

HELGA DURAN

ОДЕРЖИМОСТЬ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Helga Duran

Одержимость

«Автор»

2022

Helga Duran

Одержимость / Helga Duran — «Автор», 2022

Моя жизнь была и так не сахар, но ужасное событие, случившееся в ночном клубе, где я работала, превратило ее в настоящий кошмар. Мой работодатель заступился за меня и забрал к себе домой, чтобы защитить от бандитов. Вместе с тем, его дом стал для меня тюрьмой. Страшнее человека, чем Зотов, я еще не встречала. Этот жестокий, холодный и безжалостный мужчина предложил мне сделку - я помогаю ему сблизиться с его бывшей женой, а взамен он решает все мои личные проблемы. Втянув меня в целый спектакль, задуманный для бывшей жены, мужчина захотел заполучить и меня. Теперь все стало еще хуже, ведь он не может понять, какой женщиной он одержим больше. (Продолжение "Девочка-криминал". Можно читать отдельно.) Содержит нецензурную брань.

© Helga Duran, 2022

© Автор, 2022

Содержание

1. Никита	5
2. Олеся	8
3. Никита	13
4. Леся	16
5. Леся	18
6. Никита	22
7. Никита	25
8. Никита	29
9. Никита	31
10. Леся	33
11. Никита	36
12. Леся	38
13. Никита	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Helga Duran

Одержимость

1. Никита

Все события в книге вымышлены, все совпадения случайны.

– Никита, в зале проблемы, – вломился ко мне в кабинет мой телохранитель.

Теперь я так живу. Трясусь за свою жизнь так сильно, что нанял персонального охранника. Климов сам любезно предложил мне свои услуги, после очередной дележки власти в городе. Мне польстило, что этот мужик сделал ставку на меня, а не на Виктора Одинцова, допустим. Мог бы и к нему уйти, если что, но пораскинув мозгами, Олег выбрал меня. Я никогда не считал Климова дураком, поэтому был рад, что он рядом, что не посчитал меня настолько конченным, чтобы побрезговать работать на меня.

Обычно Олег ждал снаружи, когда я в кабинете один. Если он не удосужился постучаться, значит, что-то действительно срочное, и требуется мое вмешательство.

– Люди Одинцова, – добавил Клим, и я незамедлительно поднялся из кресла.

В клубе часто происходили драки, скандалы и даже пальба, ибо место располагало ко всяким безумствам. Обычно разбирались без моего участия. Фамилия Одинцов была для меня, как красная тряпка для быка. Я еще не знал, что случилось, но мне уже захотелось кого-то покарать.

Валид Асадов отошел от дел и уехал из города в неизвестном направлении. Валерия Зотова теперь Уманская – жена и мать. Ей муж не разрешает бандитизмом промышлять. Остались мы с Одинцовым, и мир нас не брал.

Неосознанно я коснулся своего пистолета под пиджаком и вышел из кабинета вслед за охранником. За дверью нас ожидали еще два бойца.

– Сколько их? – уточнил я у охраны.

– Трое.

Справимся, – подумал я, и мы все двинулись в сторону привата.

– Что там? – спросил я на ходу.

– Терки с официанткой какие-то, – сообщила охрана. – Не успели выяснить подробности. Мы решили без вас не вмешиваться.

Охранники вошли в комнату привата первыми, потом я, Клим самым последним.

Судя по тому, что я увидел, появились мы как раз вовремя.

Три мужика одетые в деловые костюмы учили мою официантку уму-разуму. Лысый, завалив девчонку на диван, вцепился одной рукой ей в горло, а другой хлестал ее по щекам. Зареванное лицо бедняжки было разбито в кровь, униформа изодрана в клочки, на полу валялись женские трусики. Еще двое просто сидели рядом, откровенно глумясь над ситуацией, кроваждно пялясь на практически обнаженное девичье тело.

Не нужно быть экстрасенсом, чтобы предвидеть, что они собирались сделать далее с несчастной девицей.

Увидев нас, мужики притихли. Лысый грубо отпихнул от себя девчонку, и она вжалась в диван, пытаясь прикрыть свой срам обрывками одежды.

– Что здесь происходит? – подойдя ближе, спросил я, чувствуя, как мои глаза наливаются кровью.

– О! Господин Зотов! – пьяно, с мерзкой ухмылочкой, протянул лысый. – Эта сука меня удачила! Я ее проучил. Только и всего!

Двое других выжидающе молчали, откинувшись на спинку дивана. Их позы выглядели вальяжными и расслабленными, но в глазах зависло неприкрытое напряжение. Похоже, завалила и главарь этой компашки – одно и то же лицо. Что ж, раз он в курсе, куда пришел и к кому, осталось выяснить, зачем.

– Что вы забыли в моем клубе? – задал я очередной вопрос.

– Мы просто отдыхаем, – ответил лысый. – Говорят, у вас самые лучшие девочки?

Я покосился на официантку, которая продолжала лежать на диване, свернувшись клубочком. Она уже не плакала, просто смотрела в одну точку, мелко трясясь всем телом. Что эти ублюдки с ней сделали? Трахнуть не могли, не успели. Что с ней тогда?

Больше разговаривать с одинцовскими шакалами не было ни малейшего желания. Я выхватил из кобуры пистолет и направил на лысого. Он ошалело замер, а вот его прихлебатели задергались, засуетились.

– Руки! – заорал из-за моей спины один из моих бойцов.

Гости нехотя и медленно подняли руки вверх.

– На колени! – приказал я лысому.

– Я... – сипло выдавил он из себя, дернув кадыком следом.

– Встань на колени, мразота, и попроси у девушки прощения!

Мне было абсолютно похуй на официантку, бывали случаи и похуже. Устраиваясь в ночной клуб на работу, девчонки знали, на что шли, а публика разная бывает. Не благородство меня вело, а жажда крови.

Обычно девки визжат, как резанные, или рыдают в голос, когда начинается замес, а эта лежит, будто пришибленная.

Я переключился с девушки на ее обидчика. Я уже решил, что пристрелю лысого. Что бы он сейчас не сделал, он не жалец. Даже если он очканет и начнет этой униженной и оскорбленной девчонке ноги целовать, слезно вымаливая прощения у нее и у самого Господа, я один хуй его завалю, как собаку бешеную.

Дело не в его неприемлемом поступке по отношению к женщине, а в том, что он попытался плюнуть мне в рожу таким образом. Был бы он не из шайки Одинцова, возможно, был бы другой базар, но мужику не повезло. И он даже не представлял, насколько.

– Никита... – промямлил лысый, и это были его последние слова.

Я выстрелил ему прямо в лобешник. Незамедлительно. С особым удовольствием я смотрел, как лысый медленно оседает на пол, опрокидывая на себя столик с угощением и выпивкой.

Прихлебатели покойника, пребывавшие в откровенном шоке, застыли с поднятыми руками и гримасой ужаса на лице.

Я удовлетворенно выдохнул и опустил пистолет.

– Забирайте свое дерьмо и проваливайте! – рыкнул я шакалам.

Они медленно отмерли, суетливо подорвались с дивана, собирая по полу свои мобилы. Затем подхватили под руки своего убиенного товарища и поволокли его к дверям.

– Чтоб я больше ни одного упыря одинцовского здесь не видел! – усмехнулся я, когда тело лысого тащили как раз мимо меня. – Вы меня слышали? – чуть громче сказал я.

– Так точно, – буркнул тот, что был ближе ко мне.

– Проводите гостей, – приказал я охранникам и повернулся к Климу.

Он смотрел на меня, едва сдерживая улыбку. Стоило выйти всем посторонним, и закрыться двери, Клим заржал, как будто я только что рассказал ему первосортный анекдот.

– Ну, ты даешь, Зотов! – хлопнул он меня по плечу, подойдя ближе. – Чертов псих! Витька себе на жопе все волосы от злости повывергает!

– Как бы он нам ничего не повывергивал!

Мне нравился энтузиазм Олега. Он был мудрым и рассудительным мужиком, но подергать тигра за яйца любил не меньше моего. Уверен, он бы и сам не прочь шмальнуть в кого-то из одинцовских, но это была моя привилегия.

– Позови кого-нибудь, – кивнул я на тело девчонки, все так же неподвижно лежавшее на диване. – Пусть займутся! Я буду у себя!

Я уже подошел к двери, когда Клим окликнул меня:

– Не напивайся, а? Нажрись дома!

– Заебался мою тушку таскать? – подъебал я Клима.

– Еще нет! Но сегодня особенно сильно керосином воняет!

Криво ухмыльнувшись, я вышел из привата. Мне бесконечные нравоучения майора Климова порядком поднадоели, но сейчас он был прав. Неизвестно, как отреагирует Одинцов на мою выходку. Быть взорванным по дороге домой не шибко-то хотелось, но если назвался груздем...

2. Олеся

– Олеська, ты идешь? – окликнули меня у черного выхода девочки-коллеги.

Наверное, теперь уже бывшие коллеги. Вряд ли я снова вернусь в этот клуб, если сейчас даже выйти из него боюсь.

Мне очень страшно.

Что если эти отморозки поджидают меня на улице прямо сейчас, чтобы отыграться на мне за смерть своего кореша? На хозяина клуба они не замахнутся, силенок не хватит, а вот на меня, запросто!

Я сидела на ступеньках лестницы, кутаясь в плащ, который был надет практически на голое тело, если не считать безразмерной фирменной футболки, которую мне дал один из охранников.

Боже, зачем Никита Сергеевич застрелил гостя? Зачем я ударила этого лысого? Нужно было просто стерпеть, когда он задрал на мне юбку, убежать, а потом просто уволиться по нормальному.

Сама уже не помню, как так вышло. Все случилось слишком быстро. У меня сработал инстинкт. Стоило лысому коснуться моей обнаженной задницы своей лапищей, как меня перекрыло.

Клиенты и раньше заигрывали со мной, но чтобы руками трогать – не было такого. В клубе было полно девочек на любой вкус, на официанток вообще редко кто обращал внимание.

Я заблуждалась, когда думала, что в России я буду в безопасности. Здесь не гремят взрывы, не рушатся дома, не свистят пули, но больные, озабоченные мужчины есть везде, а значит, мне следует быть всегда начеку. Я и так обхожу всех мужчин стороной, а теперь даже на улицу боюсь носа показать.

– Идите, девчата, – крикнула я в ответ, еле шевеля разбитыми губами. – Я сама доберусь.

– Лесь, ты уверена? – обеспокоенно спросила уборщица тетя Надя.

Я просто устало кивнула головой в ответ. Женщина бросила мне полный жалости и сострадания взгляд и повернулась к выходу.

Большая железная дверь пикнула, и я осталась одна в полнейшей тишине. Дрожа от холода и страха, я вытащила из сумочки телефон, чтобы вызвать себе такси.

Уже семь утра. На улице, должно быть, рассвело, будет не так страшно добираться до машины. А что если эти уроды уже знают, где я живу? Это не так сложно выяснить.

Я понимала, что отчасти накручиваю себя, но ничего не могла с собой поделать. Весь ужас от пережитого снова обрушился на меня, и я почувствовала себя жалкой, беззащитной и беспомощной.

В потухшем экране телефона отразилось мое разбитое лицо, и я включила его опять, чтобы не видеть свои опухшие губы и заплывший глаз. Могло быть и хуже. Могло бы быть гораздо хуже.

Охранники покидали клуб всегда последними. Скоро и они выйдут, заведение закроется до вечера. Высиживать холодные ступеньки не было никакого смысла. Надо уходить уже.

Возможно, если я попрошу ребят, они проводят меня до такси? Но впрягутся ли они за меня, если злые, оскорбленные и униженные мужчины все же поджидают снаружи? Девочки, успокаивающие меня в раздевалке, объяснили мне, кто такой Одинцов, и почему Никита Сергеевич пристрелил лысого.

Про нашего хозяина ходили целые легенды. Самолично я видела его раза три, не больше. Всегда собран, сдержан, холоден. Говорят, у него на правой руке не хватает одного пальца, потому что его отрубили топором его враги. Правда ли это, я не знаю, потому что мне было приказано ни в коем случае не смотреть на его руку. Зотова это раздражало, вот я и не смотрела. Я вообще старалась не поднимать глаз на хозяина, чтобы не прогневить его или не впасть в немилость.

Потерять работу для меня было сродни смерти. Куда я еще устроюсь, не имея на руках никаких документов? Меня и в клуб еле взяли. Сначала я пару месяцев мыла пол, потом посуду, а уже потом администратор разрешил мне выйти вместо официантки, которая заболела и не пришла на смену.

Платили в клубе хорошо и на чай давали частенько. Администратор был строгим, но справедливым. Коллектив тоже вполне сносный, да и публика. Но сегодня...

Опять придется начинать все с начала. Нужно платить за съемную комнату и на что-то питаться и одеваться. Хорошо, что лето на носу, можно особо не париться по поводу теплой одежды и обуви. Как-нибудь справлюсь. Это все же лучше, чем меня депортируют обратно в Кизи (вымышленная страна, граничащая с Россией, на территории которой происходят военные действия)

На родине у меня никого не осталось, кроме брата. Серега воюет, ему не до меня.

На лестнице слышались шаги и мужские голоса. Я засуетилась, снова включила мобильник, чтобы все же вызвать себе машину. Если это охранники, надо поспешить. Больше надеяться было не на кого.

— Гоша дал ей недельку выходных, в больницу она ехать отказалась, — слышалось сверху, и я поняла, что мужчина говорит обо мне.

У меня все замерло внутри, так что пальцы перестали попадать по клавиатуре телефона.

— Да, пусть пока не отвечивает девчонка, — услышала я второй голос, более высокий, чем предыдущий. Он принадлежал Зотову. Его голос я на всю жизнь запомнила и ни с чьим уже не перепутаю.

Шаги приближались, а потом затихли у меня за спиной. Я даже обернуться не могла. Никиту Сергеевича я боялась похлеще этих отмороженных клиентов. Про него такие небы-

лицы рассказывали в клубе, что я поражалась фантазии людей, которые не гнушались работать на этого человека, зная не радужные подробности его жизни.

– Ты чего здесь? – возникло передо мной лицо личного охранника Никиты Сергеевича. Олег, кажется? – Почему не дома еще?

Во рту пересохло, поэтому я ничего не ответила не сразу.

– С-сейчас поеду, – выдавила я из себя. – Я выходить на улицу боюсь, – честно призналась я. – Жду охранников.

Олега я не боялась. Он производил впечатление доброго человека, по крайней мере, лицо и глаза у него не были злыми. Мужчина присел передо мной на корточки и заглянул мне в лицо.

– Досталось тебе конечно, – протянул он. – Проводим девочку? – спросил Олег, глядя поверх моей головы, туда, где стоял Зотов.

– Давай подвезем? – предложил Никита Сергеевич. – Куда тебе?

Я назвала адрес и с трудом поднялась на ноги, обрадовавшись этому предложению. Еле переставляя затекшие конечности, я начала спускаться вниз, вслед за Олегом, Зотов шел сзади, и я чувствовала спиной его взгляд на себе.

Из клуба сначала вышел Олег, осмотрелся, а потом позвал нас с Никитой Сергеевичем. Все трое мы двинулись в сторону парковки. Я не знала, на какой машине ездит Зотов, поэтому просто слепо шла за его телохранителем.

– Никита, слева, – довольно громко и внятно сказал Олег, и я повернула голову влево, чтобы посмотреть, что так заинтересовало мужчину.

– Вижу, – бросил из-за моей спины Никита Сергеевич, после чего я получила сильный тычок в спину. – Шевелись, девочка! – рывкнул он мне, так и не дав возможности посмотреть, что там было на парковке.

Довольно быстро мы оказались у огромного внедорожника, больше похожего на танк. Олег дернул заднюю дверь машины и силой впихнул меня внутрь салона, следом запрыгнул Никита Сергеевич, едва не придавив меня своим телом. В машине спереди сидели двое мужчин – водитель и еще один охранник. Олег сел по другую сторону от меня, так что я оказалась зажата между двумя мужчинами. На заднем сиденье было довольно просторно, но я, будучи даже без нижнего белья, почувствовала себя не лучшим образом.

– Что за машина, Спич? – спросил Зотов у охранника, сидящего спереди. Он показывал куда-то рукой, но мне ни черта не было видно из-за Олега.

– Часа три здесь трется, – ответил Спич. Это имя у него такое диковинное, фамилия или кличка? – Номера пробили, ничего подозрительного.

– Ладно, Игорь, поехали! Девчонку сначала домой закинем! – отдал команду Никита Сергеевич. – Адрес повтори! – это было адресовано уже мне.

Я назвала адрес, и машина тронулась с места. Едва дыша, я попыталась взять себя в руки. Что там за подозрительная машина? По чью душу? Может быть, просто совпадение?

Слава богу, Никита Сергеевич не бросил меня на лестнице. Добрый он все-таки человек. Мог бы и мимо пройти. Кто я ему? Обычная официантка без имени, фамилии и документов. Если со мной что-то случится, меня даже искать никто не будет.

Я смотрела только вперед на лобовое стекло, чтобы избавиться от паники. От Зотова пахло дорогим одеколоном, но меня даже его запах пугал до чертиков. Этот аромат не был неприятным, но он источал агрессию, опасность и щекотал не только мои ноздри, но и нервы.

– За нами хвост, – через некоторое время сообщил водитель, глядя в зеркало заднего вида.

– Блять! – громко выругался Спич, и у меня внутри все оборвалось. Мужчина достал рацию. – Второй, я первый! За нами хвост! Черный «Додж»! Как понял, второй? – продиктовал он в прибор.

– Понял, первый! – хрипло ответили из рации.

У меня началась настоящая истерика. Я вообще не понимала, что происходит. Но еще больше пугало то, что может произойти, и это что-то не предвещало ничего хорошего.

– Никита, поехали домой? – внезапно сказал Олег. – Нахер нам эти покатушки? Забери девчонку к себе, потом разберемся.

– Как тебя зовут? – обратился ко мне Зотов.

– Лэся! – каким-то не своим голосом пискнула я, выдавая свой кижанский говор с потрохами.

Обычно я следила за речью, чтобы не бросаться в глаза. Беженцев с Кижей русские не шибко-то жаловали.

– Кижанка что ли? – незамедлительно последовала насмешка от Никиты Сергеевича. – Только северянок мне в доме не хватало! – с раздражением и презрением фыркнул он.

– Я не северянка! – гордо заявила я, оскорбившись до глубины души.

Много раз меня так обзывали, пора бы уже и привыкнуть, но привыкнуть к этому невозможно.

Внезапно мне стало все равно, что будет дальше. Слезы подступили к горлу. Кто он такой этот Зотов, чтобы вешать на меня ярлыки? Какое ему вообще до меня дело? Что он знает обо мне, чтобы обижать? Хватит с меня на сегодня!

– Ладно, Игорь, поворачивай к дому! – скомандовал Никита Сергеевич.

– Остановите машину, я выйду! – сглатывая ком из слез, гордо сказала я.

– Поздно! – устало ответил Зотов.

– Остановите! Я не поеду! Не поеду!

Откуда только смелость взялась? Я затрепыхалась, забилась, выражая свое намерение покинуть машину немедленно.

– Заткнись! – рявкнул мне в ухо мужчина, снова пугая меня так, что сердце остановилось на миг. Затем он схватил меня за плечи и развернул к себе лицом. – Ты поедешь со мной, ЛЭСЯ! – Его тон был железобетонным, не терпящим возражений. Зотов разжал пальцы, и я медленно привалилась обратно к спинке сиденья. – Только пикни еще раз! – уже тихо пригрозил он.

3. Никита

Стоило нам свернуть с главной дороги в сторону моего особняка, нас перестали преследовать. Значит, пасли не меня, а девчонку. Сдалась она им? Фу, как мелочно, мстить мне через официантку, о существовании которой я узнал несколько часов назад. Или они думают, что я замечу ее пропажу и буду волосы на жопе рвать?

Утренняя потасовка мне совершенно не улыбалась. Я был уставшим и злым, хоть и привык уже работать по ночам, но пристрелить еще парочку одинцовских – всегда пожалуйста! Когда «хвост» отвалился, я даже немного огорчился. Скучно я живу в последнее время, только и всего.

Девчонка немного успокоилась, поняв, что ей больше ничто не угрожает, и затихла. Слава богу, что она не скулила и не истерила, мне ее слезы ни во что не упирались. Мы въехали во двор моего дома, и девчонка испуганно встрепенулась, озираясь по сторонам.

Я вывалился из машины первым и подал Лесе руку, потому что она решила выйти с моей стороны. Она вложила в мою ладонь свою маленькую ладошку и несмело, неуклюже выползла из салона. Я окинул взглядом ее хрупкую фигурку, завернутую в уродливый плащ, разбитое измученное лицо, и она сразу же одернула свою руку и отвернулась от меня, ища глазами Клима. Судя по всему, Олегу Леся доверяла больше чем мне, и это вызвало у меня мысленную усмешку. Неужели, я такой ужасный? В клубе страшилок наслушалась, идиотка?

Я дал распоряжения охране, и мы пошли к дому: я, Клим и Леся.

– Мне бы выходной на понедельник, – как бы между делом, попросил Олег. – И на вторник желательно тоже, – сделав паузу, добавил он.

– Проблемы? – поинтересовался я.

– У Валерии Уманской день рождения, – четко выговаривая каждое слово, ответил он. – Двадцать лет, и все такое. Я не могу пропустить это мероприятие!

Пидор!

Клим знал, что меня до чертиков бесит, когда к ее имени прилепляют фамилию Кира. Для меня это словосочетание самое неприятное из всех возможных!

Этот мужик нарочно бесил меня, и ему это нравилось. Я старался не подавать вида, пытался держать лицо, но Климова не проведешь. Тонко стебать меня по поводу Валерии и Кира он не перестанет никогда, поэтому я смирился с его подъебками. А вот перестать реагировать на них я не мог, как ни старался.

Я помнил о дне рождения Валерии. Конечно же я помнил и ждал его, наверное, посильнее ее самой. Меня естественно не приглашали, и не собирались приглашать, но в этом году я решил поздравить любимую женщину во что бы то ни стало.

– Где будет проходить праздник? – осторожно поинтересовался я, опасаясь очередных шуток со стороны Клим.

– Ой, а тебя, Зотов, не пригласили? – заржал Олег. – Тогда я не могу разглашать эту информацию.

Я остановился и схватил Клим за плечо.

– Где, мать твою? – прорычал я ему прямо в лицо.

Клим стряхнул с себя мою руку, но ржать перестал. Он отступил от меня на шаг и поправил бронежилет.

– У них дома, – немного виновато, поняв, что перегнул палку, ответил он. – В пять часов.

Рядом со мной кто-то шмыгнул носом, и я собрался. Вспышка неконтролируемого гнева заставила меня позабыть, что мы с Климом не одни.

– Шевелись! – бросил я Лесе, и едва ли не бегом бросился в дом.

В гостиной я остановился, размышляя, куда определить девчонку. К прислуге? Может быть хватит с нее на сегодня, и я позволю себе быть чуточку гостеприимней с хапнувшей жести девочкой?

У Леси был настолько убогий вид или я стал жалостливым тюфяком?

Я велел дежурившему в доме охраннику разыскать домработницу Милу и сбавил девчонку ей, представив Лесю своей гостьей. Охране я приказал следить за новой обитательницей дома и ушел к себе в комнату.

Там меня ждала недопитая бутылка виски и тишина. Я устало опустился в кресло и сделал глоток прямо из горлышка. Искать лед или стакан было тупо лень. Я ослабил галстук и откинулся в кресле, прикрыв глаза. Виски приятно расслабило меня, сняло напряжение, приглушило эмоции, вгоняя меня в сонливость.

Валерия.

Больше не Лерка. Сладкий сон, который мне не под силу забыть. Я и не пытался вычеркнуть ее из памяти. Зачем? Эта смелая и странная девочка – лучшее, что было со мной за всю мою никчемную жизнь.

Я не видел Валерию почти два года, как и Кира, но я знал о них все: где они живут, чем, и как зовут их собаку. Я следил за ними. Не лично, но мне было многое известно об Уманских.

Они зачем-то называли ребенка в честь меня. Чья это была идея? Если Валерии, то спорил ли с ней Кир или это решение было единогласным? Зачем они назвали сына именем человека, которого ненавидят и презирают, с которым прервали всякое общение? От которого сбежали незамедлительно, не оставив мне даже прощальной записки, прихватив только деньги Вакулы из сейфа и личные документы. Кир с Валерией покинули дом налегке, не забрав даже

свои вещи, одежду, фотографии и зарядки от телефонов – так им не терпелось исчезнуть. Или я им не настолько сильно неприятен, и просто себя накручиваю?

Мне надоело делать вид, что мы не существуем друг для друга, живя в одном городе, поэтому я решил возобновить общение с людьми, которые все так же мне дороги, как и прежде. Попробую. Должен. Иначе я сойду с ума в своем безумном одиночестве.

4. Леся

Я смогла относительно спокойно вздохнуть, только когда осталась одна в комнате, в которой меня поселила Мила. Женщина принесла мне женскую одежду и белье и накормила.

– Это от маленькой хозяйки осталось, – пояснила она, складывая большую стопку вещей на прикроватной тумбочке.

Я не стала спрашивать, что за маленькая хозяйка, и где она сама. Все, что мне принесли, было новым, с этикетками, и, судя по всему, ужасно дорогим. Отказываться и корячить из себя гордичку у меня не было возможности, потому что мне нужно было хоть во что-то переодеться.

Еще Мила принесла мне мазь от ушибов и объяснила, как найти ее саму в случае, если мне что-то понадобится. Дом был просто огромным, поэтому я внимательно выслушала женщину, стараясь запомнить маршрут, а потом заперла за ней дверь на защелку.

Я никогда прежде не была в таких богатых домах, как этот. Шикарный интерьер, огромное пространство, дорогая мебель и ковры – подобное я видела только в журналах или фотографиях кинозвезд. И вот теперь я наяву среди этой роскоши! Даже не верится.

Мне стоило больших усилий и смелости, чтобы зайти в королевскую, по моим меркам, ванную комнату.

Это богатство совершенно не располагало меня к уюту, а напротив, пугало до дрожи. Я боялась что-нибудь уронить, сломать или испачкать. Вряд ли Никите Сергеевичу понравится, если его косорукая гостья прольет на белоснежный ковер шампунь или свернет шею сенсорному крану. К своему стыду, я не смогла разобраться, какую именно кнопку нажать на душевой панели, чтобы текла горячая вода, поэтому пришлось набирать ванну. Это было намного дольше по времени, но более привычно для меня.

Завернувшись в пушистый банный халат, который я нашла в ванной комнате, я щедро намазала ушибы и ссадины на лице, и пошла спать.

Огромная кровать оказалась невероятно мягкой и удобной, а быть может, я просто очень сильно вымоталась, поэтому я отрубилась, едва моя голова коснулась подушки.

Проснувшись я, когда уже солнце клонилось к закату. Я не сразу поняла, где нахожусь, поэтому испугалась. Потом вспомнила, где я, и что я тут делаю, и стало еще тревожнее. Приведя себя в порядок, я выбрала джемпер и брюки из стопочки хозяйской одежды, оделась, старательно заправила кровать и пошла на поиски Милы.

Вообще, мне нужен был Никита Сергеевич, чтобы сообщить ему о том, что мне пора, и сказать спасибо за помощь, но искать его самого, напрямую, мне было неловко. В какой-то мере я была благодарна Зотову за гостеприимство и защиту, но я не могла оставаться в этом доме дольше. У меня своя жизнь, заботы и печали, а у него свои. Нужно было забыть этот неприятный эпизод моей жизни, найти себе новую работу, сменить на всякий случай жилье и жить дальше.

Мила была довольно приветлива со мной, но подчеркнуто вежлива. Она накрыла мне в столовой за большим столом и снова меня покормила. Только почувствовав запах еды, я поняла, как сильно голодна. Я заставила себя плотно поесть, хоть и чувствовала себя не в своей тарелке.

На мой вопрос, как мне найти хозяина дома, Мила ответила, что он уже уехал. Я растерялась. Что же делать дальше? Мне же не нужно спрашивать разрешения, чтобы покинуть это место? Можно просто уйти, передав благодарность за гостеприимство с той же Милой?

– Может быть, вы дадите мне номер Никиты Сергеевича? – спросила я женщину, хлопотавшую вокруг меня, пока я ела. – Я бы хотела сказать ему спасибо, прежде, чем поеду домой.

– Боюсь, это невозможно, – ответила женщина. – Хозяин распорядился обеспечить вас всем необходимым для вашего дальнейшего комфортного проживания. Вы продолжаете быть его гостьей, пока ОН не решит, что вам следует оставить его особняк.

– Что? – вырвалось у меня, а внутри все заглохло. – Я не могу здесь оставаться! Вы что не понимаете?

– Не стоит волноваться, милочка, – попыталась успокоить меня женщина. – Как только хозяин вернется домой, вы сможете обсудить свою проблему лично с ним. А до тех пор, отдыхайте. Как ваши садины? – сменила тему Мила. – Вижу, что лучше. Возможно вам необходима еще одежда или косметика? Напишите мне список всего, в чем нуждаетесь.

– Спасибо, мне ничего не нужно! Я ни в чем не нуждаюсь! – в отчаянии воскликнула я. – Когда вернется хозяин?

– Не могу знать, – безразлично ответила Мила.

– А хозяйка? Она дома?

Может быть мне удастся переговорить с кем-то еще, и меня отпустят? Я что заложница какая-то? Зачем я понадобилась Зотову, ума не приложу.

– Никита Сергеевич живет один. Кроме слуг и охраны в доме никого, – разрушила мои надежды Мила. – Вы можете свободно перемещаться по особняку, за исключением других спален и кабинета Никиты Сергеевича. В саду, кстати, очень красиво, но предупредите заблаговременно охрану, чтобы убрали собак. Если я вам понадоблюсь, вы знаете, где меня найти.

– То есть, пока ВАШ хозяин не даст команду, меня не выпустят? – разозлилась я. – Я в полицию позвоню!

Я нарочно подчеркнула слово «ваш», мне Зотов был не хозяин. Пусть я гражданка другой страны, и документов у меня нет, но я свободный человек! Я не сделала Никите Сергеевичу ничего плохого, чтобы он препятствовал моему уходу!

На лице домработницы не дрогнул ни один мускул. Она вообще человек или робот?

– Простите, мне нужно работать! – сказала женщина и удалилась из столовой, оставив меня одну.

Я закрыла лицо руками, пытаюсь справиться с паникой. Что же делать? Что?

Звонить в полицию я, конечно же, не собиралась. Кто я такая против Зотова? А если он разозлится на меня, будет еще хуже.

Больше всего недоумения у меня вызывали намерения Никиты Сергеевича. Что ему от меня нужно? Зачем он меня неволит? Разве ему есть до меня дело? Если бы он просто волновался о моем благополучии, мог бы нормально объяснить, что к чему? Зачем держать в плену официантку-северянку?

В голову лезли самые страшные мысли, вплоть до продажи в рабство. Я слышана о таком. Раскрасавицей я себя не считала, но больных извращенцев повсюду хватает. Если у Зотова такие грязные и страшные намерения, то зачем он дал мне статус гостьи, чтобы я ничего не заподозрила? Мог бы в подвале запереть, кинув под ноги старый матрас. Почему-то мне содержание невольниц представлялось именно так, и ничуть не лучше.

На все мои вопросы мог ответить только сам Зотов, и никто другой. Оставалось ждать его появления, вздрагивая от каждого стука и шороха, опасаясь, что это пришли за мной.

5. Леся

С Никитой Сергеевичем мне не удалось поговорить ни в этот вечер, ни наследующий день. Он был каким-то неуловимым. Я прождала его в гостиной до рассвета, но он не появился. Я так вымоталась, так устала от своих переживаний и страхов, что уснула прямо на диване.

Проснувшись я на нем же, никто меня не тревожил, просто укрыли пледом. Первым делом я нашла Милу и спросила про Зотова, но, как выяснилось, он уже уехал.

На следующий день все повторилось, и я решила больше не ждать хозяина дома. Я что, собака? Это было настолько унижительно, что хотелось плакать. Я и плакала, запершись в своей комнате.

Кормили меня хорошо, и Мила была весьма добра, хоть и холодна. Большую часть времени я проводила, сидя на подоконнике в спальне, где меня поселили. Мой телефон был стареньким, батарея садилась быстро, поэтому я всегда таскала с собой зарядку.

Странно, что Зотов не забрал у меня телефон. Наверное он был уверен, что мне неоткуда ждать помощи, или считал себя тем, с кем мне не потягаться?

Боже, так и есть! Мне некому было позвонить, чтобы просто пожаловаться на свою участь, что уж говорить о том, что не было такого человека, который за меня заступится.

Я звонила брату несколько раз, но его телефон был недоступен. Такое уже было и не раз, но я всегда представляла себе самое страшное. Что если моего единственного близкого и родного человека больше нет? Что если он погиб или серьезно ранен?

Эти мысли сводили меня с ума. Мне даже не с кем было поделиться своими домыслами и переживаниями, своими страхами и проблемами. Нет, конечно я бы не стала рассказывать Сереже о том, во что вляпалась. Разве он смог бы чем-то мне помочь? Только бы извелся весь тревогами за меня, больше ничего.

Зато мне звонили девочки с бывшей работы, спрашивали о моем самочувствии и сообщали, что с нетерпением ждут моего возвращения в клуб. Это было приятно, и ненадолго скрасило мое ощущение, что я одна-одинешенька в этом мире.

Из-за работы в ночные смены у меня частенько путались день и ночь. Мучаясь бессонницей, я просматривала кижинские новости в интернете до четырех утра. Это были четвертые сутки моего пребывания в этом доме.

В животе заурчало от голода, и я отбросила телефон в сторону. Поужинала я часов в семь, а до завтрака еще очень долго. Шариться в чужом доме в поисках еды было некрасиво, но не распут же меня за то, что я попью чая с печеньем или сделаю себе бутерброд?

Я накинула на себя банный халат, сунула ноги в домашние тапочки и пошла на кухню. В доме была такая тишина, что мурашки бежали по спине. Можно было списать отсутствие каких-либо звуков на ранний час, но здесь так было постоянно, в любое время дня и ночи. Охрана, слуги и даже сам Зотов передвигались бесшумно, как приведения.

В холодильнике я без труда нашла хлеб и кусок ветчины. Там было много чего еще, но я осмелилась взять только это. Наспех перекусив, как воришка, я прихватила из вазочки в столовой горсть конфет и пару яблок, а затем бросилась обратно в комнату, чуть ли не бегом.

Прижимая к груди краденые припасы, я заскочила в спальню, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, пытаясь отдышаться. Я закрыла глаза, чувствуя, что сердце сейчас выскочит из груди. Долго еще это будет продолжаться? Я скоро сойду с ума в этих четырех стенах! Перспективы за пределами этих стен были вовсе не радужными, но хотя бы я буду свободной.

Я довела себя уже до галлюцинации, потому что совершенно отчетливо почувствовала запах парфюма Никиты Сергеевича. Этот запах так прочно засел в моей памяти что щекотал мои ноздри прямо сейчас. Боже, так и свихнуться недолго! Надо взять себя в руки!

Когда я открыла глаза, то чуть не заорала от испуга. В кресле, стоявшем в углу комнаты, сидел хозяин дома. Сжимая в руке стакан с янтарной жидкостью, он с любопытством смотрел то на меня, то на конфеты и яблоки, которые я выпустила из рук, и теперь они валялись на полу.

Появление Никиты Сергеевича было так неожиданно, что я стояла, как дура, не в силах пошевелиться. Надо было собрать, что я выронила, или хотя бы поздороваться, но я застыла у двери в камень. Только бухающее сердце в моей груди, свидетельствовало о том, что я не умерла.

– Как дела, Леся? – нарушил тишину мужчина и ослабил узел галстука.

– Вы меня напугали, – тоненьким, дрожащим голосом ответила я.

– Я не хотел, – сказал Зотов, а затем отпил из стакана.

У него действительно не хватало одного пальца на правой руке. Я быстро отвела взгляд от его покалеченной кисти и решила поднять то, что рассыпала. Быстро собрав конфеты и фрукты, я положила их на прикроватную тумбочку и повернулась к мужчине.

– Мила сказала, что ты ищешь со мной встречи? Вот, я здесь.

– Я бы хотела уйти, – стараясь следить за произношением слов, сказала я. – Отпустите меня!

– Иди, – пожал плечами Зотов и вальяжно откинулся на спинку кресла.

– П-правда? – не поверила я в услышанное. – Я могу уйти прямо сейчас?

– Конечно, Леся, – заверил меня Никита Сергеевич. – Только учти, что на выезде дежурит та самая машина, которая нас преследовала по пути из клуба. Дружки того лысого очень на тебя обижены. Ты сумела разозлить сразу троих мужчин. Для этого нужен талант!

Я обреченно вздохнула и присела на край кровати. Что же мне делать? В этом доме оставаться нельзя, и выходить отсюда опасно.

– Я разозлила только одного мужчину! – в отчаянии воскликнула я. – Это вы разозлили его прихлебателей, застрелив лысого!

Никита Сергеевич громко расхохотался, похоже ситуация его забавляла. Мне же опять хотелось плакать.

– Наверное, мне не стоило наказывать этого урода, а присесть на диван и посмотреть, как они жестоко ебут тебя втроем? Согласен, Леся, я поступил необдуманно. В доме полно охраны, как ты заметила. Хочешь групповушку? Только скажи, девочка! Мои пацаны посимпатичней будут, да и поласковей, чем те уёбки.

Мне стало плохо от слов Никиты Сергеевича. Зачем он говорит мне эти гадости? Запугивает или издевается? Да какая разница, если этот человек не менее отвратителен, чем те трое одинцовских?

– Что вы предлагаете? – сменила я тему. – Продолжить мне жить здесь?

– Сама решай!

– Зачем вы привезли меня сюда, Никита Сергеевич? Что вам от меня нужно? – задала я самый больной и важный для себя вопрос.

– Если бы мне было что-то нужно от тебя, девочка, ты бы уже об этом знала, – устало сказал мужчина. – Я думаю, что тебе стоит здесь подзадержаться, только и всего.

– До каких пор? Пока что? Что должно случиться, чтобы меня оставили в покое?

– Хочешь, Леся, я убью тех людей, что тебя пасут? Но что если и это не решит твою проблему?

Я не знала, что ответить. Я не хотела, чтобы еще кого-то убивали. Я просто хотела, чтобы от меня все отстали и дали мне спокойно жить дальше. Зотов прав, это только моя проблема, что те двое меня ищут.

– Можешь жить тут, сколько влезет, – не дождавшись от меня ответа, сказал Зотов. – Тебя никто не тронет, пока ты не выйдешь за ворота. Дальше – не мои проблемы! Это все, что я могу сделать для официантки, попавшей под раздачу в моем клубе.

Хозяин так добр ко всем своим сотрудникам? Не уверена. Я не верила Зотову. Мне хотелось поверить, успокоиться и перестать трястись, но я не могла.

– И вы не станете продавать меня в рабство?

Зотов снова расхохотался, еще пуще, чем в первый раз. Я сказала глупость? Хоть бы это было так, боже, молю!

– Встань! – перестав смеяться, приказал мне мужчина, и я медленно поднялась с кровати. – Подойди! – последовал очередной приказ, и я повиновалась. – Ближе! – Не помня себя от ужаса, я подошла почти вплотную к креслу. – Распахни халат!

– Что? – выдохнула я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

– Халат распахни! – повторил Зотов еще более жестким тоном. – Хочу на тебя посмотреть!

Теперь он точно меня продаст! Кто меня за язык тянул? Я подкинула хозяину отличную идею!

– Давай живее! – раздраженно сказал Никита Сергеевич, и его брови сошлись на переносице.

Это было унижительно! Краска бросилась мне в лицо так, что пылали даже уши. Трясушимися руками я развязала пояс халата и медленно развела полы в стороны. Под ним у меня были только трусики, и все. Сгорая от страха и стыда, я закрыла глаза, не в силах больше смотреть на мужчину.

Я не могла видеть, на какую конкретно часть моего тела смотрит сейчас Зотов, но меня так колбасило, будто его глаза на мне повсюду.

– Повернись!

Его голос ударил мне в самое сердце. Я повернулась к мужчине спиной и вздрогнула, когда почувствовала легкое прикосновение на своей пояснице, а затем еще одно, такое же, едва уловимое, на ягодице.

– Одевайся! – Я облегченно выдохнула и поспешно запахнула на себе халат, кутаясь в него так, будто меня морозит. – Ты красивая, Леся, – сказал Зотов мне в спину. – Почему ты пошла разносить бухло и жратву, а не танцевать? Разве ты не знаешь, сколько девочки зарабатывают?

– Не захотела! – все еще стоя к нему спиной, ответила я.

Я слышала, как мужчина поднялся из кресла, и судорожно сглотнула. Если он еще раз дотронется до меня...

– Не крути своей жопой перед охраной и сиди тихо, – раздалось над самым моим ухом. – Радуйся, что жива!

С этими словами Зотов вышел из моей спальни, оставив меня одну. Я заперла за ним дверь, а потом упала на кровать без сил.

Я хотела прояснить ситуацию, чтобы успокоиться, но вышло только хуже. Теперь я боялась Зотова еще больше, чем прежде.

6. Никита

С тех пор, как Валерия и Кир оставили этот дом, он стал совершенно мертвым. Тут и раньше было не радостно, но теперь я чувствовал себя одиноким, как никогда. Я был покойником, добровольно запершим себя в этом склепе, полном чудовищных воспоминаний.

Во мне самом что-то умерло. Огромная темная дыра, чернее моей собственной сущности, поселилась во мне навсегда. Я пытался ее залатать. Алкоголь не помог, война с Одинцовым уже остопиздила, на других женщин у меня не стоял. Дыра во мне только ширилась, поглощая все, что можно, даже воспоминания о любимой женщине, оставляя только боль и отчаяние.

Чтобы доказывать своему собственному разуму, что Валерия мне не приснилась, что я не выдумал ее существование, я приходил в комнату, где она жила, ложился на ее кровать и обнимал игрушечного зайца, которого я ей подарил. Частичка девчонки, которая почти стала моей, согревала меня, заставляла вспомнить, что я еще жив, хотя бы физически.

Здесь было довольно пыльно, потому что я запретил прислуге даже заходить в этот храм воспоминаний, но некоторые вещи, как мне казалось, до сих пор хранили запах моей любимой девочки.

Вот и сейчас я лежал на кровати, где мы спали вместе, и предавался воспоминаниям. Перед глазами возникло почти детское личико Валерии, ее губешки, сладость которых мне никогда не забыть, и я почувствовал эрекцию. Она навела на меня порчу? Заколдовала? Иначе, как объяснить то, что мой член отказывался работать в присутствии других женщин?

Я присматривался к каждой девушке, что попадала в поле моего зрения, но ничего в моих штанах не шевелилось. Эта странная импотенция меня жутко напрягала, как думаю, напрягала бы она абсолютно любого мужика на моем месте. Если бы Валерия продолжала оставаться моей женой, разве парило бы меня то, что я равнодушен к остальным бабам? Да, ничуть! Но не было Валерии, и никого другого тоже, поэтому мой изъян сводил меня с ума.

Почти два года, как я закончился, как мужик. Вначале я успокаивал себя тем, что мне просто опротивели шлюхи. После девственной Валерии они представлялись мне грязными и непривлекательными. Тогда я нашел целку: блондинка, ноги от ушей, сиськи – загляденье. Отвалил за нее хуеву тучу бабла, но когда дело дошло до траха, у меня просто не встал. Бедняжка сделала все, что смогла, все, что ей было по силам в рамках своего опыта, но тщетно. Я наорал на неудачно дебютировавшую путану и прогнал ее прочь. Больше попыток трахнуть какую-нибудь девушку я не предпринимал, но оценивать женский пол с точки зрения «я бы вдул» вошло уже в привычку.

Сегодня Валерии исполняется двадцать. Я купил ей золотую цепочку с бриллиантовой подвеской в подарок. Сам выбирал, лично. Как я мог доверить выбор подарка для самого дорогого человека в моей жизни кому-то еще? Я был в состоянии скупить весь ювелирный магазин целиком, но купленное мною украшение выглядело весьма скромным. Я просто не знал вкусы девчонки, а мне хотелось, чтобы ей понравился мой подарок, чтобы она носила его, как напоминание обо мне.

Как я сейчас ношу на шее свое обручальное кольцо и перстень «Всевластия». Они болтаются на одной цепочке, не давая забыть мне прошлое. Эти кольца и отсутствие пальца были, как насмешка надо мной. Так я смеялся сам над собой. Конечно же, никому другому я не позволял потешаться над своими промахами, разве что Климу, и то изредка.

Долго не мог уснуть. Встреча с Уманскими волновала меня до трясучки. Столько раз я представлял эту самую встречу. Столько раз я мысленно разговаривал с ними обоими. Чаще с Киром. Валерию в своих фантазиях я любил. В основном нежно, но бывало, что и ебал безбожно – зависело от настроения.

Боялся ли я, что меня Уманские на порог не пустят? Нет. Раньше боялся, а теперь мне стало глубоко фиолетово. После всего того, что я нахуевертил, после всего пережитого и долгой жизни в каком-то забвении, я уже ничего не страшился. Открытая неприязнь от дорогих мне людей – это такая мелочь в сравнении с самоедством и жалостью к себе.

Попросить прощения у Уманских? Мне было не сложно, только вот слова мои прозвучат совершенно неискренне. Единственное, в чем я считал себя виноватым, так это в том, что скрывал правду, и свою, и чужую. Поступить иначе я не мог, так за что челом бить?

Если бы я смог все вернуть назад, поступил бы я так же? Однозначно да, иначе, меня не было бы в живых. И о том, что я с Вакулой связался не жалею, и о том, что его приказов побоялся послушаться тоже. Если бы я пошел по другому пути, то не встретил бы Валерию, а Кир бы спился и руки на себя наложил.

Все обстоятельства и события тянулись, цепляя одно за другое, и затягивались на моей шее петлей. Мне нужен был глоток свежего воздуха, какая-то эмоциональная встряска, пусть и не очень приятная, только чтобы снова почувствовать себя живым.

Проснулся я ближе к обеду, с больной головой, потому что мало выпил вчера. Всегда плохо сплю, если не напиваюсь на сон грядущий. Кошмары прошлого преследуют меня даже во снах. К моей ебучей импотенции прицепом шел алкоголизм – шикарный наборчик.

Я рисковал закончить, как мой папаша. Он умер от цирроза печени, а я даже не знал, что его уже нет – такой я сын. Набравшись смелости, я все же навестил мать. Прошло столько лет, но ничего не изменилось. Мать пила все так же по-черному. Узнал ее с трудом, как и она меня. Я ждал, что что-то дрогнет в ее материнском сердце, что она обрадуется моему появлению, но она просто жалостливо попросила денег на бутылку.

Квартира, где я родился и рос до 14 лет, превратилась в настоящий бомжатник. Света, как и газа не было давно – отключили за неуплату. Даже находиться в ней было неприятно, а я много грязи повидал. Сжечь бы тут все дотла, да и дело с концом!

В серванте я обнаружил свои детские игрушки. Мать их бережно хранила, не знаю зачем, но сохранились они неплохо. Я прихватил с собой машинку, пистолетик и мать, и решил больше сюда никогда не возвращаться.

Маму пришлось поселить в лечебницу, типа пансионата. Я не мог смотреть на то, как она пьет, да и на нее саму смотреть не мог. Навещал ее редко, для галочки, чтобы успокоить

совесть, но трезвая жизнь действительно пошла ей на пользу. Что-то человеческое начало проявляться в ее облике, и меня это успокаивало, значит, я все делал правильно.

Я неустанно задавал себе один и тот же вопрос на протяжении всей жизни – если бы мои родители не были алкашами, и любили бы меня так, как полагается родителям, как сложилась бы моя жизнь? Что если бы я не стал бандитом, а был бы спортсменом, учителем или врачом? Ответа я так и не нашел. Единственное, что я понял, что я не хочу сдохнуть, как папаша, но в чем-то я был на него похож. Я так же, как он, проживаю свою жизнь бесцельно, у меня нет жены, нет детей и нет будущего. Сергей Зотов хотя бы оставил после себя наследника. А что я?

Купив по дороге букет неизменно белых роз для именинницы, в назначенный час я был у дома Уманских.

Обычный кирпичный двухэтажный домишка, ни чем не отличался от других домов в пригородном поселке. Уманские, не смотря на то, что были миллионерами, не шиковали, а может быть, просто старались особо не выделяться на фоне остальных?

Я вытер вспотевшие ладони о брюки, взял в руки подарки для Валерии и вышел из машины. У ворот уже было припарковано две тачки. Одна Климова, а вторая навороченная спортивка мне не была знакома. Я велел охране ждать меня у ворот и позвонил в звонок.

Во дворе залаяла собака, и послышалось какое-то движение. Сердце, будто с цепи сорвалось, забухало, по всему организму, закладывая уши. Эти несколько минут, показались мне вечностью.

Звякнул засов на калитке, дверь приоткрылась, и я перестал дышать. Кто вышел меня встречать? Хозяйка дома или сам хозяин?

7. Никита

Кир. Не Валерия.

С абсолютно непроницаемым лицом Уманский смотрел на меня целую вечность. В отличие от меня, он всегда умел держать мину, вот и сейчас испытывал мои нервы и терпение на прочность. В горле пересохло, словно я с похмелья, голос стал сиплым, по спине скатилась струйка пота.

– Здравствуй, Кир, – первым не выдержал я.

– Здравствуй, Ник, – таким же бесстрастным голосом, подстать его лицу, произнес Кир и снова впился взглядом в мое лицо.

– Валерия дома? – зачем-то спросил я, зная, что она дома. Где ей еще быть? – Я хочу поздравить ее с Днем Рождения!

– М... – хмыкнул Кир, и стало понятно, что мне здесь все так же не рады, как и прежде.

– Ты позовешь жену? – разволновался я еще сильнее. – Илипустишь меня на минуту?

Уманский продолжал изводить меня своим равнодушием и молчанием, когда во дворе послышался какой-то шум.

– Кто там, Кирилл? – раздался за спиной Уманского голос Валерии, и прямо передо мной возникла она сама.

– Никита? – изумленно воскликнула она и бросилась мне на шею.

Бросилась не раздумывая! Я обнял девчонку свободной рукой и судорожно, с облегчением выдохнул. Закрыв глаза, я вдохнул полной грудью, чувствуя аромат ее духов, и тепло, разливающееся по всему телу.

Валерия очень быстро меня отпустила и отступила на шаг, чтобы с каким-то пристрастием разглядеть меня с головы до ног. Я тоже смотрел на девчонку с любопытством.

Она изменилась. Не внешне. Ее хорошо сложенная фигурка, облаченная в простое, на мой вкус, платье, немного округлилась, только и всего. А вот глаза Валерии смотрели на меня по-взрослому.

Тяжелый, ревностный взгляд мужа именинницы заставил меня вспомнить, зачем я здесь.

– С Днем Рождения, Валерия! – громко произнес я и протянул ей букет, а затем, достав из кармана коробочку из ювелирного магазина, вручил и ее.

– Спасибо, Никита! – просияла Валерия.

Я ждал, что она еще раз меня обнимет или чмокнет в щеку хотя бы, но она этого не сделала.

– Ты зайдешь? – спросила девчонка.

– Никита только что говорил мне, что очень торопится, – ответил вместо меня Кир, давая мне жирный намек на то, что мне следует поскорее убираться отсюда.

– Но я хочу, Кирилл, чтобы он остался ненадолго! – ничуть не смутившись, заявила Валерия.

Она перевела взгляд с меня на Кира и чуть вскинула бровь. Узнаю, Лерку – характер все тот же! Кирилл ничего не ответил, просто отошел от дверного проема, пропуская во двор сначала Валерию, а затем и меня.

Проходя мимо Уманского, я всей шкурой чувствовал его негодование, хоть он этого и не показывал. Мое желание побыть в обществе Валерии было намного сильнее недовольства ее мужа, поэтому я постарался проигнорировать Уманского.

Мы вошли в дом – очень уютный на первый взгляд, не то, что мой трофейный склеп. Семейные фото на стенах, детские игрушки повсюду, цветы. Здесь даже пахло живыми людьми. Когда мы вошли в гостиную, где был накрыт большой стол, Валерия представила меня остальным немногочисленным гостям.

Клим, завидев меня, перестал жевать и с любопытством уставился сначала на меня, а затем на Кира.

– Знакомьтесь, это Никита Зотов – старинный друг нашей семьи! – громко объявила меня Валерия. – Клим с Аней ты знаешь... – сказала она про моего телохранителя и его жену. – Это моя подруга Катя, – указала она рукой на молоденькую брюнеточку. – А это наша няня Альбина и наш сын Никита.

Валерия усадила меня на свободный стул, поставила передо мной тарелку и приборы. В полнейшей тишине, пока все гости, как один, уставились на меня, как на инопланетянина, я наблюдал за тёзкой. Никита Уманский сидел на руках у своей няни и мусолил, то ли кусок яблока, то ли груши. Пацан не обращал на меня абсолютно никакого внимания, в отличие от взрослых, занимаясь своим важным делом, а мне было жизненно необходимо знать, на кого он похож. Вылитый Кир, как будто на ксероксе распечатали – его глаза, его нос, и цвет волос. Малыш посмотрел на меня – даже взгляд у него был, как у отца – равнодушный. Этот ребенок должен был быть похож на меня! Он должен был быть моим!

– Что будешь пить, Ник? – вывел меня из ступора голос Кира.

Он сел рядом со мной. Или меня посадили рядом с ним? Не важно. Уманский привел меня в чувство, и я испугался, что он догадается, о чем я думаю. Не уверен, что ему это понравится.

– Без разницы, – ответил я, ища глазами Валерию.

Девчонка вернулась в гостиную, держа в руках пустые стаканы, из чего я сделал вывод, что прислуги у Уманских нет.

Судя по всему, праздник был безнадежно испорчен, потому что обстановка с моим появлением стала напряженной. Я не мог знать, как тут было до меня, но вряд ли все собравшиеся молчали, делая вид, что очень заняты поглощением еды.

Я тоже молчал и делал вид, что ем. Кир с завидным постоянством подливал мне в стакан коньяка, чему я был очень благодарен. Меня ни о чем не расспрашивали, не просили сказать тост или что-то в этом роде, поэтому я каким-то чудом досидел до окончания застолья.

Украдкой я наблюдал за Валерией и Киrom. Я не мог на них не смотреть. В присутствии других людей и под действием алкоголя, Кир расслабился и позволил себе быть самим собой. Уманские выглядели такими счастливыми, что мне было и радостно, и плохо от этого зрелища одновременно! Они и были счастливы, а не просто казались! Нельзя притворяться, когда невзначай касаешься любимого человека и бросаешь ему полный нежности взгляд. Я никогда не видел, чтобы Кир был таким мягким и веселым, он как будто помолодел лет на десять. Я пытался одергивать себя в своей зависти, но выходило плохо. Мне приходилось щипать под столом свою ногу, чтобы раз за разом напоминать себе, кто я, и где нахожусь.

Вскоре, гости начали расходиться, и хозяева дома проводили их одного за другим. Я остался последним гостем, за столом. Мне стало немного неловко. Это из-за меня пропало все веселье. Наверное, мне тоже стоило откланяться прямо сейчас и уйти восвояси, пока Кир открытым текстом не попросил меня об этом. Это было бы справедливо, но унижительно.

Я спросил у няни Уманских, где туалет, и пошел в указанном направлении. По пути в уборную, мне удалось немного осмотреть дом изнутри. Мебель, шторы, ковры – все было простым, но каждый уголок был пропитан уютом. Даже дырка в том месте, где не хватало куска обоев, выглядела мило. Ребенок оторвал – догадался я, потому что рядом с дыркой красовались еще пара «художеств» фломастерами.

Когда я вернулся в гостиную, Кир сидел за столом, перед ним непочатая бутылка коньяка, а Валерия стояла рядом с мужем, держа на руках их сына.

– Ну, теперь можем и поговорить... – многозначительно произнес Кир, не глядя на меня, но адресовано это было мне.

– Я уложу Никиту и приду, – с улыбкой сказала мне Валерия.

– Нет, Валерия, – как отрезал Уманский. – Нам с Зотовым есть о чем перетереть. Без тебя. – Девчонка открыла рот, чтобы возмутиться, но Кир взмахом руки остановил ее. – Укладывай сына и садись за уроки!

– Уроки? – не сдержался я.

Сейчас Кир был похож скорее на строгого папашу, чем на мужа Валерии. Это было очень смешно, поэтому я рассмеялся.

– Я заканчиваю вечернюю школу, чтобы потом выучиться на дизайнера, – пояснила мне Валерия. – Тогда я приглашу Никиту еще раз к нам в гости? Или Никита пригласит нас к себе?

– О, конечно! – нашелся я. – Буду рад!

– Мы же договаривались, Валерия! – напомнил о чем-то своей жене Кир.

Валерия закатила глаза и удобнее взяла ребенка.

– Я не буду ждать еще сто лет, пока Никита найдет себе жену, – разозлилась девчонка.

– Будешь! – железобетонно заявил Кир.

– Что происходит? – встрял я в их перепалку.

– Кирилл сказал, что разрешит нам с тобой общаться, только когда ты женишься, – объяснила Валерия. – Вот как-то так... Но насколько нам известно, у тебя даже девушки нет...

Мне очень хотелось спросить, с каких это пор Валерия спрашивает чьего-то разрешения, потому что это было удивительно, но меня больше заинтересовало мое собственное положение.

Если у меня будет жена, мне можно будет общаться с Валерией? Боже, если бы я раньше знал об этом условии, то давным-давно бы его выполнил. Если у меня будет другая женщина, Кир перестанет ревновать ко мне свою жену? Всего-то? Мне хотелось воспарить от счастья и облегчения!

– У меня есть невеста, – глазом не моргнув, сказал я, очень вовремя вспомнив, что у меня имеется стопроцентная кандидатура на эту роль. – Разве Клим вам не рассказывал? Мы с ней уже живем вместе.

– Правда? – обрадовалась Валерия. – Здорово! Боже, это действительно здорово! Как ее зовут? Давно вы вместе? – с неподдельным интересом расспрашивала она.

– Олеся, – это все, что я успел рассказать. И слава богу, потому что я больше о своей вынужденной гостье-беженке ничего и не знал.

– Валерия, попрощайся с гостем! – с нажимом пробасил Кир. – В следующий раз, если Никита говорит правду и у него, действительно появилась женщина, ты все разузнаешь подробнее!

– Пока, Никита! – беспрекословно подчинилась Валерия мужу. Она обняла меня одной рукой на прощание и ушла с малышом вверх по лестнице.

– Садись, Зотов! – сказал Кир, и слова его тоже прозвучали, как приказ.

Без Валерии мне стало тоскливо и неудобно. Я успокаивал себя тем, что передо мной Кирилл Уманский – мой старинный друг, но это не помогало. Я понимал, что разговор будет неприятным и непростым, но он был необходим, если я хочу увидеть Валерию снова.

8. Никита

Кир налил нам обоим выпить и замолчал. Я молчал тоже, и это напряжение было в тягость. Раньше, в прошлой жизни, нам с Уманским не нужны были слова, чтобы не чувствовать неловкости, но сейчас все изменилось.

– Как ты приручил Валерию? – разорвал я это томительное и неудобное молчание. – Она тебя слушается. Это удивительно.

– Я ее не приручал. Это ее выбор, – сухо ответил Кир. – Трудно было, конечно, особенно поначалу. Мы жили в постоянном противостоянии, но мы справились. Она плакала все время. Скучала. По тебе, по отцу. Для нее это был удар. – У меня дыханье сперло от его слов. То, что Валерия тосковала по мне, грело мою душу, грело надежду. Только вот на что я надеялся, сам не знаю. – Потом мы узнали, что ждем ребенка, и наши отношения потекли в другом ключе. Если тебе показалось, что Валерия изменилась, то это не так. Она просто стала женой и матерью, у нее появились мечты, наряду с ответственностью.

– Я рад за вас!

– Спасибо, если это искренне, – с вызовом сказал Кир.

– С чего мне быть неискренним?

– Без понятия, Зотов. Если Валерии ты можешь навешать на уши лапши, то мне нет. Точно нет.

– Я не собирался вешать лапшу тебе на уши! И Лерке тоже! У вас своя жизнь, а у меня своя! Если ты видишь во мне какую-то неискренность или угрозу, говори прямо, Кир!

– Знаешь, – задумчиво произнес он. – Тебя нет в нашей жизни достаточно долго, но ты один хер присутствуешь в нашей семье. Сказать, что я о тебе забыл и не интересуюсь твоими делами? Это неправда. Ник, я знаю о тебе больше, чем ты можешь себе представить! Это была идея Валерии, чтобы Клим подвязался к тебе в охрану. Она уговаривала его не день и не месяц! Она считает, что так ты будешь в безопасности. Ей так спокойнее. Мы сына назвали в твою честь, черт побери! Это было нашим общим решением, а не ее личным бзиком. Но в то же время, я знаю, что и ты следишь за нашей жизнью. А сегодня ты решил в ней появиться. И я хочу, чтобы мы сейчас обсудили все моменты, касаемо этого! Если моя жена, которая в какой-то мере все еще наивна, и хочет видеть тебя снова, то я далеко не добряк! Поэтому я спрошу прямо, – какого хуя, Ник? Зачем ты приехал?

Я ждал этого вопроса, готовился, но все равно почувствовал себя нелепо и неудобно. Кир видел меня насквозь, хотя сам не умел притворяться или хитрить. Да и зачем ему это делать?

– Я скучал, Кир, – искренне ответил я. – По вам обоим. Теперь, когда у каждого из нас своя семья, мы можем возобновить общение? Я понимаю, что тебе это в тягость, но мне это очень нужно. Ты всегда давал мне надежду на то, что можно стать лучше.

– Ты серьезно, Ник? – рассмеялся Уманский. – Ты все еще хочешь стать лучше? Ой, блять, насмешил!

Я же говорил, что его не проведешь. На что я рассчитывал, сам не знаю. Но другого шанса влиться в семью Уманских у меня уже не будет. Если я сейчас не докажу, что я не верблюд, не посею зерно сомнения в Кирилле, что я не урод, можно забыть о Валерии навсегда. Опять, заново переживать эту потерю? Я не мог этого допустить.

– Я хочу измениться не ради себя, а ради женщины, – продолжил я свое вранье. – Она боится меня, не доверяет в полной мере, и меня это волнует. Порой я и сам себя боюсь. Ты единственный человек, Кир, который сдерживал меня от обращения в Вакулу. Ты нужен мне, как никогда в жизни! Потому что это мой последний шанс, понимаешь?

Мои слова возымели должный эффект. Кир крепко задумался над тем, что я сказал. Я был готов упасть перед ним на колени и умолять его разрешить видиться с его женой, но разве это поможет? Только сильнее оттолкнет от меня Уманского.

– Что за баба? – через некоторое время спросил Кир, видимо поверив в мои рассказы.

Дальше смысла врать не было. Хоть немного правды мой собеседник заслужил.

– Беженка из Кижей, отбил у одинцовских, – ответил я, немного успокаиваясь и радуясь, что у меня получается расположить к себе Кира. – Очень красивая. Хочу сделать ей предложение, но моя репутация меня опередила, так что... Пока ничего хорошего, если честно, не выходит.

– Ты все дергаешь Одинцова за яйца? – усмехнулся Кир. – Зачем ты взорвал его магазин? Зотов, тебе жить надоело? Или скучно?

– Скучно, Кир, – кивнул я головой. – Очень скучно.

– Почему со своей женщиной не приехал? – продолжил пытаться меня Кир.

Что врать дальше что? Боже, когда это закончится? Если полчаса назад я не хотел покидать этот дом, то сейчас мне нестерпимо захотелось съехать отсюда подальше.

– Она хотела поехать, Кир. Собиралась. Но в последний момент себя плохо почувствовала.

– Что с ней?

– Женские дела, ничего страшного, – отмахнулся я. – И мне уже пора домой. Волнуюсь за нее все же.

– Пойдем, провожу, – спохватился Кир.

Уманский проводил меня до ворот. Похлопал себя по карманам, достал сигареты и закурил. Теперь мне предстояло как-то попрощаться, чтобы выяснить, что же дальше.

– Так я могу пригласить вас к себе с ответным визитом? – осторожно спросил я у Кирилла. – Хочу познакомить Валерию со своей невестой. У Олеси нет подруг, она постоянно жалуется на недостаток общения. Я работаю все время. Так что... Я очень рассчитываю на то, что она увидит, какие у меня хорошие друзья и смягчится в отношении меня тоже.

– Мы не друзья! – отрезал Кир, сделав мне больно.

– Она этого не знает! – парировал я.

– Мы обсудим этот вопрос с женой, и дадим тебе знать, – уклончиво ответил Уманский и затянулся сигаретой. – Сейчас я пьян. Не хочу обещать больше, чем смогу выполнить.

– Тем не менее, я буду ждать, – заверил я Кира и протянул ему руку.

С какой-то осторожностью и вальяжностью, Кирилл все же пожал ее. Лезть обниматься было бы чересчур, хотя мне очень этого хотелось.

Я попрощался с Уманским и сел в машину. Он не ушел от ворот, пока мы не уехали.

Некоторое время я пребывал в каком-то ступоре, все еще не в силах прийти в себя после произошедшего. Затем меня охватила неслыханная радость.

Все прошло, как нельзя лучше. Меня не прогнали, не начистили мне рыло, хотя и могли, а напротив, приняли, как гостя. Пусть холодно, пусть не, как родного, но тем не менее...

Мои унижения и заискивания перед Уманским были позади, и у меня, как будто камень с души упал. Все не так страшно, как я себе накрутил!

Теперь нужно было поговорить с этой кижанкой Лэсей и попросить ее мне подыграть. Мне казалось, это будет совершенно не сложно, учитывая ее незавидное положение. У меня есть, что предложить девчонке. Она поможет мне, а я ей. Ничего криминального. А что будет потом? Да какая разница, главное, чтобы у меня был пропуск от Уманского к его жене, на большее не рассчитываю. Пока.

9. Никита

Домой я ехал в приподнятом настроении, окрыленный своей маленькой победой. Уманский и его сын очень быстро ушли на второй план. Все мои мысли занимала только Валерия. Стоило мне закрыть глаза, как передо мной возникало ее милое личико, ее влажные губы, вкус которых я помнил, как сейчас. А ее запах...

Я был готов многое отдать, чтобы просто видеть эту девчонку, разговаривать с ней, иметь возможность слышать ее смех, касаться ее руками, поэтому нужно было как можно скорее воплотить план по сближению с Валерией в жизнь.

Надеюсь, Леся еще не спит? Да какая к черту разница, спит она или нет? Северянка у меня, в моем доме, в моей власти. Я могу распоряжаться ею, как захочу. Разве есть у нее выбор?

Первое, что мне бросилось в глаза на подъезде к особняку – машины, уже привычно вписывающейся в пейзаж, и которая стояла по душе Леси, не было на месте. Ублюдки бросили свою гнилую затею выловить девчонку? Терпение закончилось? Вот и прекрасно! Одним головняком меньше. Не сказать, что я прям переживал за судьбинушку хохлушки, но стало как-то спокойнее на душе.

Сегодня какой-то особенный день, полный приятных событий. Сюрпризы на этом не закончились. Стоило мне войти в дом, как я наткнулся на Лесю. Ее не нужно было будить, за ней не нужно было посылать прислугу – она сама меня ждала.

Когда я вошел в гостиную, Леся испуганно встрепенулась и вскочила с дивана. Я смерил ее любопытным взглядом, невольно сравнивая с Уманской. Тело Валерии было сбитым, спортивному сложенным, это сейчас она стала более женственной. Леся же от природы обладала мягкими, округлыми формами. Сегодня она оделась в спортивные штаны, ладно обтягивающие ее бедра и легкую кофточку. Под тонкой тканью четко угадывались полные девичьи грудки. Леся была без лифчика, и это подогревало интерес к ее фигурке еще больше, но я сосредоточил внимание на ее лице, чтобы не волновать девушку. Какая-то она слишком пугливая, я бы даже сказал зашуганная.

Лицо Леси еще не до конца зажило, но опухоль от ушибов спала. Аккуратный носик, полные губы, высокие скулы и серые глазищи на пол лица – да она настоящая красавица, мне не показалось.

Леся тряхнула головой, и ее длинные волосы заструились по плечам. Мне нравились длинноволосые и длинноногие девчонки. Я снова задался вопросом, почему эта прелестница не пошла в танцовщицы, а предпочла разносить по столикам харчи. С такими прелестями и приятным личиком Леся добилась бы большого успеха, полируя промежностью шест и члены клиентов.

– Здравствуй, Леся! – первым поздоровался я. – Ты меня ждешь?

– Й-а? – задохнулась она от волнения. – Да. Я бы хотела с вами поговорить.

«Вы-кает» мне опять? Забавная.

– Хорошо, Леся. Выпьешь со мной? Что будешь?

– Нет, спасибо, – как-то слишком резко отказалась девчонка.

Сначала я направился к бару, плеснул себе коньяка, а затем подошел к дивану, возле которого нервно топталась девушка. Вблизи она была еще прекраснее. Безупречная белоснежная кожа, будто светилась изнутри, а ресницы, которыми хлопала девчонка, глядя на меня, были невероятно пушистыми. Ее щечки тронул яркий румянец, стоило мне приблизиться, и это показалось мне очень милым.

Присев на диван, я жестом пригласил Лесю расположиться рядом, и отпил из стакана, чтобы промочить пересохшее горло. Девчонка садиться рядом не спешила, как будто опасалась более тесного контакта со мной.

– Как дела, Леся? Что-то случилось? – с интересом спросил я.

– Все хорошо, Никита Сергеевич, – ответила девушка. – Я лишь хотела поблагодарить вас за помощь... еще раз. – Ее голос дрожал, речь сбивалась, выдавая ее кижанский акцент, но мне он почему-то понравился. Из уст девчонки это было необычно слышать. – И предложить в знак благодарности свои услуги. Мне неловко жить за ваш счет и пользоваться вашей добротой. Мне так будет уютнее, понимаете?

Какое интересное предложение! Я думал, что мне придется искать благосклонности Леси, а она сама готова на «сотрудничество»? Бедняжка, ей больше нечего предложить мне, кроме своих дырочек? Жаль, что у меня не стоит на других баб, кроме Валерии. Этой куколке я бы вдол, пользуясь ее добротой. Для разнообразия.

– Подойди, – хрипло приказал я, но девчонка продолжила стоять на месте, как вкопанная. Она замерла, и, казалось, даже дышать перестала. Как она со мной трахаться собралась, если я навожу на нее такой дикий ужас? – Леся, не надо меня бояться, – с небольшим раздражением произнес я. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

Девчонка сцепила руки в замок, судорожно вздохнула и нерешительно шагнула ко мне, затем еще и еще, пока не оказалась прямо напротив меня.

Я допил свой коньяк и отставил в сторону стакан, полностью сосредоточившись на девчонке. Я никогда не брезговал шлюхами, но от этой девчонки прямо тащило какой-то свежестью и неопытностью. Можно было подумать, что она невинна, но слишком уж резко она предпочла избавиться от своей девственности. Не так уж я много для нее сделал, чтобы приносить себя в жертву.

– Встань на колени, – как можно мягче сказал я.

Девчонка медленно опустилась вниз. Теперь ее миленькое личико было как раз между моих ног. Я протянул руку и коснулся ее щеки пальцами, затем обвел пухлый девичий ротик по контуру.

Что-то дернулось внутри меня, и я почувствовал эрекцию. Вчера мой член тоже отреагировал на девушку, но я подумал, что мне почудилось. Сейчас же в моих брюках стало по-настоящему тесно. Сучка меня заводит? Или это у меня откат после общения с Валерией?

Какая к черту разница, если сейчас я наконец-то потрахаюсь? Это все приятные сюрпризы на сегодня? Или еще нет? Может, мне позвонят, до кучи, и сообщат, что Одинцов подох?

Девчонка тяжело и рвано задышала, как будто ей душно. Я представил, как ее пухлые губы смыкаются на моем стволе, а горячий, влажный язычок скользит по головке, и меня накрыло окончательно. Только мысли о том, что Леся нужна мне для более важных дел, удерживали меня от того, чтобы насадить ее головенку на свой восставший из мертвых хер прямо сейчас.

Я не должен вести себя с Лесей, как со шлюхой. Мне нужна ее покладистость и безропотность, а не бабские истерики и обиды на ровном месте. Минета вполне будет достаточно для начала. Ограничимся пока что им.

Не сводя глаз с ротика Леси, я расстегнул ремень и ширинку на брюках.

– Что вы делаете, Никита Сергеевич? – испуганно воскликнула она, вскакивая на ноги.

– Ты же сама хотела меня отблагодарить, Леся? – напомнил я. – Иди, милая, не бойся! Это не займет много времени! – пообещал я, чувствуя, что мой стояк уже на самом пике. Я был готов пообещать этой девчонке Луну с неба, лишь бы только она не мешкала. – Поработай ротиком, малыш, а потом мы обсудим и остальные привилегии для моих гостей! У меня для тебя еще много интересных предложений!

10. Леся

Я не ошиблась в Зотове – он страшный человек.

Он думает, что я сделаю ему минет в обмен на что-то? Что бы он мне не предложил, я не стану делать такого. Добровольно точно нет. Он может заставить меня. Насильно. Ему это ничего не стоит.

– В чем дело, Леся? – с нескрываемым раздражением спросил Никита Сергеевич.

– Вы меня неправильно поняли, – стараясь, чтобы мой голос предательски не дрожал, ответила я. – Я имела в виду НЕ ЭТО!

– Хм, а что же тогда? – злобно усмехнулся он.

– Я бы могла убираться в доме или заняться садом, с вашего позволения, разумеется.

– Что? – Зотов заржал, как ненормальный. – Мыть пол? Ты считаешь, что моя прислуга не справляется со своими обязанностями? Очень интересно...

– Глупая затея, – согласилась я. – Пожалуй, мне не стоит далее оставаться в этом доме. Вы были слишком добры ко мне, если рассчитывали на что-то большее с моей стороны. Я не могу расплатиться с вами своим телом. Простите!

– Заткнись! – заорал на меня Зотов и вскочил с дивана, как ошпаренный.

Я интуитивно попятилась назад. Псих! Он точно псих! Нужно уходить из этого дома, и как можно скорее!

– Я спас тебе жизнь! Убил ради тебя человека! – заявил Зотов, нервно застегивая брюки. – Теперь у меня из-за тебя неприятности!

Меня этот жест немного успокоил. Если бы Никита Сергеевич намеревался меня изнасиловать, то не стал бы застегивать ширинку. Зачем? Чтобы потом опять расстегивать? Возможно, он захочет сделать это позже? Но точно не прямо сейчас. У меня есть немного времени, чтобы что-то предпринять.

– Я вас не просила убивать того мужчину! – оправдывалась я. – Вы же знали, что он человек Одинцова? Зачем же вы поступили так опрометчиво?

– Сука! – процедил Зотов сквозь зубы и поправил бугор на своей ширинке рукой.

Было очевидно, что он с трудом контролирует себя. Зря я с ним спорю. Только сильнее злю. Что же делать? Что?

Мужчина подошел к бару и налил себе еще выпивки. Он выпил полстакана залпом, вытер рот тыльной стороной руки, отдышался, а затем снова повернулся ко мне. Его глаза бешено сверкали, как будто он хочет меня убить или немедленно поиметь.

– Зачем я вам? – стараясь сохранить чувство собственного достоинства, спросила я. – Отпустите меня, пожалуйста!

– Они там ждут тебя, Леся, – махнул рукой куда-то в сторону Зотов. – Стоит тебе выйти, и тебе пиздец! Ты даже представить себе не можешь, на что способны эти животные!

Я-то, как раз, очень хорошо себе представляла, на что способны опьяненные безнаказанностью и вседозволенностью мужчины. По моей спине пробежал озноб, и я передернула плечами.

– Какое вам до меня дело? Разве вас это волнует?

– Представь себе, да!

Слова Никиты Сергеевича меня смущали. Неужели, он и правда за меня переживает?

– Зачем я вам? Если от меня одни неприятности? Я же сказала, что не могу с вами...

– Хорошо! – резко оборвал меня Зотов, вскинув руку вверх. – Я немного погорячился, не так тебя понял, Леся! Признаю это! Давай мы оба успокоимся и поговорим? Хорошо?

– О чем же? – еще сильнее испугалась я.

– О тебе, обо мне, о нашей жизни. Я обещаю, что не трону тебя пальцем против твоей воли. Договорились?

Мне опять хотелось верить Никите Сергеевичу, но я снова не могла. Если он сам меня не возьмет, так продаст кому-нибудь. Теперь точно продаст! После того, как я ему отказала. Наверное, он чувствует себя оскорбленным? Таким мужчинам, как Зотов, не отказывают женщины, напротив, они сами пытаются добиться расположения такого богатого, влиятельного и красивого мужчины.

Я посчитала Никиту Сергеевича красивым? Как мужчина, он был, безусловно, привлекательным. Подтянутая фигура, модная стрижка, дорогая одежда, приятные черты лица. Если бы я не боялась его до чертиков, если бы не обстоятельства, столкнувшие нас, Зотов мог бы мне понравиться. Разве разумно думать о его притягательности и обаянии прямо сейчас, когда больше всего не свете мне хотелось оказаться за тысячу километров от него?

– Давай все же присядем, Леся? – предложил Зотов, указав рукой на диван.

Взяв себя в руки, я снова подошла к дивану и присела первой. О чем собрался разговаривать со мной Никита Сергеевич, я понятия не имела, но хотя бы из вежливости стоило его выслушать, чтобы не злить еще сильнее. Мужчина сел рядом, как по мне, он придвинулся слишком близко. От него пахло дорогим одеколоном и спиртным, и мне стало совершенно неуютно, но отодвинуться от Зотова я не посмела.

Теперь Никита Сергеевич не трогал меня руками, но от его внимательного взгляда, скользившего по моему лицу в упор, я вспыхнула и отвела глаза, уставившись на свои руки, сцепленные в замок.

– Не молчите, Никита Сергеевич, – не выдержала я. – Я понимаю, что я вас рассердила, и мне жаль...

– Перестань звать меня Никитой Сергеевичем, – перебил меня он. – Для тебя я просто Никита, можно Ник, и на «ты», пожалуйста.

Я только кивнула в ответ, предпочитая его вообще никак не называть и никогда к нему не обращаться. Если он просит перейти на «ты», значит, хочет, чтобы мы стали ближе? Насколько близко? Что, черт побери, происходит?

– Я уже говорил тебе, что ты красивая, Леся, – произнес Зотов, заставив меня покраснеть еще больше. – Поэтому нет ничего удивительного в том, что я захотел тебя, как женщину. Если тебя это смутило, ничего страшного. Со временем ты привыкнешь ко мне, узнаешь лучше и перестанешь дичиться меня.

– Что значит, со временем? – переспросила я, подняв на Никиту глаза. – Я же сказала, что не хочу здесь больше находиться?

– Успокойся! Не пори горячку! – попытался успокоить меня мужчина. – Тебе не нужно никуда уходить. Я позабочусь о тебе, дам все, что тебе нужно!

– Но мне ничего от вас не нужно! – заверила я Зотова, проигнорировав его просьбу не «вы-кать».

– О, конечно же, я верю в твою бескорыстность, милая! А что насчет документов, Леся? Хочешь получить российский паспорт, гражданство? Какое у тебя образование? Ты могла бы жить в моем доме и учиться. Выбирай любой университет!

Я не поверила своим ушам. С чего такие щедрее предложения? Зотову точно от меня что-то нужно! Теперь это очевидно! Но у меня нет ничего, кроме моего тела. Боже, неужели ему мало вокруг других женщин? Он может выбрать любую. Абсолютно любую. Что он ко мне пристал?

– Тебе нужно только сделать одну вещь, – сказал Никита и замолчал, глядя мне прямо в глаза.

Даже знать не хотелось, что нужно делать, но я обязана была спросить. Он же этого ждет?

– Какую же? – обреченно, как будто бы я уже вынужденно согласилась на всевозможные условия, спросила я.

– Ты выйдешь за меня замуж, Леся.

Это прозвучало не как вопрос, а, как утверждение. Зотов уже все решил, похоже. Как ему отказать помягче? Как сказать «нет», чтобы завтра меня не нашли в борделе или канаве?

– Не по правде, – совершенно внезапно добавил Никита. – Тебе нужно просто притвориться сначала моей невестой, а потом моей женой.

– Что значит, притвориться? Мы не будем близки, как муж и жена?

– Тебя только это волнует? – снова разозлился Зотов. – Мне вообще похуй! Если хочешь, будем трахаться, если не хочешь... Как хочешь.

– Зачем вам это нужно? – задала я вполне логичный вопрос.

– Не твое дело, Леся! Все что от тебя потребуется – это мило улыбаться моим гостям и не раздвигать ноги перед другими мужиками, чтобы я не выглядел оленем. Через год, может быть, и меньше, мы разведемся. Я заплачу тебе сверху за некоторые неудобства.

Это все звучало, как полнейший бред. Никита напился, вот и несет какую-то ерунду! Нужно бежать! Сегодня же!

– Можно я подумаю до утра, Никита? – осторожно поинтересовалась я.

– Да, конечно, – тряхнул головой он. – Ты умная девочка, Леся. Не делай глупостей, если не хочешь, чтобы с тобой случилось беды! – Зотов поднялся на ноги и пошел в сторону лестницы. Я смотрела ему в спину, чувствуя, что у меня темнеет в глазах от отчаяния. Вдруг мужчина резко остановился и чуть повернул голову ко мне. В этот момент у меня остановилось сердце! – И не пытайся бежать, девочка, – бросил он мне. – Если уж на то пошло, то моя кара будет похуже одинцовских.

11. Никита

Маленькая дрянь!

Как же я был зол на эту долбанную Лесю! Отшила меня, как последнего чмошника, и бровью не повела! Я так завелся, что едва в штаны не спустил! Не припомню, чтобы меня так от бабы крыло, даже от Валерии так не штормило! Я был готов умолять свою пленницу взять у меня в рот!

Когда мне бабы отказывали? Никогда! Ни разу! Потому что за бабки любая готова мне понравиться. Мало я северянке предложил, раз ей еще и подумать нужно? Что не так с этой Лесей? Видно же, что нет у нее ни хрена, кроме ее красоты и гордости.

Злой, как тысяча чертей, я с психом сорвал с себя одежду и встал под холодный душ. Нужно успокоиться и первым делом уговорить стояк.

Может, я выпил лишнего, а может, это после эмоционального вечера у Уманских, меня всего начало нервно трясти. Внезапно нахлынувшее на меня желание испугало меня до чертиков и обрадовало одновременно. Я уж думал, что проклят, что больше не захочу ни одну женщину в мире, кроме Валерии, но, слава Богу, это было не так.

Мечты о Валерии сменились мечтами о Лесе. О ее шикарном, молодом упругом теле. Это было какое-то наваждение! Я лег спать с мыслями о ней и проснулся с ними же.

Я надеялся, что Лесья примет правильное решение, и пойдет на мои условия. Я уже писался перед Уманскими, назвав ее имя. Искать какую-то другую Олесю, было глупо и муторно. Все должно было быть максимально естественно и правдоподобно. Если девчонка сгруппит и не согласится по-хорошему, я буду вынужден действовать по-плохому.

Не лучший выход запугивать свою фиктивную невесту, но я был готов на все, чтобы осуществить свой план. Церемониться с Лесей я особо не собирался, времени нет на сантименты, но и тварь дрожащая будет нелепо смотреться рядом со мной. Внешность девушки меня вполне устраивала, а вот с характером беда. Ее пугливость меня жутко раздражала. С одной стороны не составит большого труда запугать девчонку, но с другой стороны...

Да плевать мне на ее чувства! Она сама не понимает своего счастья. Ей придется смириться со своей участью и подчиниться мне.

Поговорить с Лесей я решил в ее комнате. В кабинете было бы слишком официально, а в гостиной слишком много места для маневров. Не хочу бегать за ней по всему дому. Чем меньше помещение, тем интимней разговор. А интима между нами планируется много. Бегать за Лесей и склонять ее к разврату я не планирую, но возможно девочка сама проявит инициативу, из чувства благодарности ко мне, как к покровителю.

Когда я постучался к Лесе, уже было обеденное время. Работая в основном по ночам, я просыпался поздно. Судя по опухшему, заплаканному лицу девушки, она проснулась тоже недавно, или вовсе не спала. Она открыла дверь, мельком взглянула на меня и, не произнеся ни слова, впустила меня внутрь.

Я сел в кресло, и оглядел девушку с головы до ног. Она была одета так же, как и вчера, на ее скуле красовался все тот же синяк, плюсом я был трезвым, но Лесья нравилась мне все больше и больше. Я уже решил, что девчонка принадлежит мне, поэтому меня не могла не радовать ее красота. Я бы не был мужиком, если бы не залюбовался ею.

Девушка закрыла дверь и присела на край кровати. На меня она не смотрела, но судя по ее обреченному виду и ссутуленным плечам, она уже со всем смирилась.

– Как дела, Лесья? – первым нарушил я молчание.

– Вас на самом деле волнуют мои дела? – все так же не глядя на меня, спросила Лесья.

– Нет, – честно ответил я. – Из вежливости спросил.

Девчонка судорожно вздохнула и, сцепив пальцы в замок, уставилась на свои руки. Мне нравилось смотреть на нее, наблюдать за эмоциями и движениями, а вот Лесе было неудобно от моего пристального взгляда, потому что она заметно нервничала.

– Что ты решила, Леся?

– Какая разница, что я решила, – грустно усмехнулась девушка. – Если вы все уже решили сами.

Она вздернула подбородок, приосанилась и посмотрела на меня.

– Я спрашиваю, для того, чтобы знать, каким быть с тобой. Какого жениха ты предпочитаешь – злого или доброго?

– Вы бываете добрым? – снова усмехнулась Леся.

– Ты удивишься, но да, бываю, – заверил я ее. Чем дольше я общался с девушкой, чем дольше на нее смотрел, тем меньше мне хотелось с ней конфликтовать. – Наверняка у тебя много вопросов и сомнений? Сегодня я освобожусь пораньше, и мы обсудим за ужином все, что тебя волнует.

Девчонка ничего не ответила, но мне и не нужен был ее ответ. Она напряглась всем телом, стоило мне подняться на ноги. А когда я подошел к ней ближе, она вся вспыхнула от смущения.

Какая прелесть! Девчонка совершенно неопытна, если краснеет от всего на свете! Мои подозрения относительно девственности кижанки только укрепились. Если она целка – я готов держать себя в руках. Я не совсем конченный, чтобы пользоваться невинностью девчонки.

А если куколка б/у, ей придется раздвинуть свои стройные ножки для меня. От одной этой мысли я почувствовал возбуждение. Девчонка просто сокровище!

– Сколько тебе лет, Леся? – спросил я. Мне хотелось, чтобы она смотрела на меня, поэтому я взял ее за подбородок, вынудив тем самым поднять на меня глаза.

– Двадцать пять, – ответила Леся, краснея уже, как помидор.

– Ты девственница? – с нескрываемым любопытством спросил я.

– Это вас не касается! – резко ответила Леся, отпихнув мою руку от себя.

Строптивая! Леся не безнадежна, есть в ней какой-то стержень. Не такой, как у бесстрашной Валерии, но все же есть.

Сегодня же я выясню степень опытности Леси, чтобы знать, на что можно рассчитывать в дальнейшем.

– Будь готова к семи часам, – бросил я девчонке и вышел из ее комнаты.

12. Леся

Быть готовой? К чему? Просто к ужину или к чему-то еще? Зачем хозяин спросил о том, девственница ли я? Какая ему разница, и какой ответ его бы устроил?

Никита Сергеевич оставил меня одну, и я снова впала в отчаяние.

Вот уже несколько дней я живу в страхе и напряжении. Если поначалу Зотов уверял меня, что не держит меня в своем доме, как пленницу, что я вольна уйти, когда пожелаю, то теперь что-то изменилось. Знать бы что?

Я ведь даже не попыталась покинуть это место, а надо было попробовать. Я корила себя за свою нерешительность и трусливость. Теперь-то уж мне точно не сдобровать, если я послушаюсь хозяина. Была одна беда, теперь их две, и я на самом деле не знаю, кого стоит бояться больше – одинцовских или Зотова. Никита Сергеевич производил впечатление властного и жесткого человека, вряд ли он шутит насчет фиктивной (или какой там, я толком и не поняла) жены.

Разведать бы, что происходит, что ему нужно от меня на самом деле, наверняка мне бы стало легче. Я уже была готова ко всему на свете – так я устала от постоянного нервяка. Пусть бы уже Никита Сергеевич сказал мне правду о своих планах на меня, да и дело с концом.

Если бы хозяин просто хотел бы меня поиметь, то сделал бы это вчера или даже раньше. Я бы не смогла сопротивляться или защититься от него. Но он зачем-то начал торговаться со мной, обещать золотые горы взамен на услугу.

Меня ни капельки не заинтересовало предложение Никиты Сергеевича. В жизни не слышала более странного бреда. Если вчера он был пьян, то сегодня-то нет. На сумасшедшего или наркомана Зотов тоже не похож. Я понимала, что у богатых свои причуды, но все, что происходило со мной в эти дни, сводило меня с ума, и участвовать в хозяйских развлечениях я не собиралась.

Я должна сегодня же выяснить все, что касается меня и моей жизни. В крайнем случае, всегда можно покончить с собой. Это не выход, но избавление.

Мысль о возможном самоубийстве странным образом успокоила меня. Пусть моя жизнь и принадлежит Богу, но я в состоянии распорядиться ею тоже. После того ужаса, что я пережила год назад, второго раза я просто не выдержу. Лучше уж смерть! Однозначно!

Мне стало бы легче, если бы я поговорила с братом. Знать бы просто, что он жив! Просто услышать родной голос! Но телефон Сереги все так же был недоступен. Я снова почувствовала себя одинокой, маленькой, беспомощной и ничтожной.

Проплакав добрую половину дня, я ненадолго задремала, совершенно обессилив от слез и переживаний. Проснувшись я от настойчивого стука в дверь. Уже семь! Боже, я все проспала! Зотов же велел мне подготовиться? А я...

Поскольку уснула я прямо в одежде, то сразу же метнулась к двери, чтобы не нервировать того, кто в нее долбил все громче и громче.

За дверью стоял Никита Сергеевич. Он окинул меня взглядом и нахмурился. Мое сердце окончательно упало. Было видно, что он недоволен мною. Наверняка он надеялся, что увидит меня нарядной и причесанной, а не заспанной и растрепанной.

Не дожидаясь приглашения, Зотов по-хозяйски вошел в мою спальню. Его и не надо приглашать, он же дома, а я его пленница – мысленно напомнила себе я.

– Ты нормально себя чувствуешь? – остановившись посередине комнаты, обратился ко мне Зотов.

Что сказать? Что ему ответить? Боже!

– Нет, – выдохнула я, справляясь со страхом. – Я чувствую себя отвратительно!

– Мне вызвать врача? – обеспокоенно спросил мужчина.

А быть может, он снова спрашивает из вежливости?

– Не стоит. Я просто... – слова застряли у меня на языке. Мне надоело их выбирать, подбирать, гадать, что ответить. – Ты запугал меня до смерти, Никита! Вот и все! – со злостью выпалила я.

– О, Как! – удивленно вскинул брови мужчина и улыбнулся.

Мне же было совершенно не весело. Зотов был похож на маньяка, который играет со своей жертвой, забавляется ее беспомощностью и бессилием что-то изменить. С ужасом я наблюдала, как он присаживается в свое излюбленное кресло и достает телефон. Вот и все! Теперь мне точно конец! Я закрыла дверь и отошла к окну.

– Все отменяется, – услышала я, как Зотов разговаривает с кем-то по телефону. – Все свободны до утра! – Краем глаза я наблюдала, как он прячет мобильник в карман, не спуская с меня глаз. – Иди сюда, Леся! – позвал меня он, но я даже не повернулась, хотя и понимала, что играю с огнем, злю его все больше и больше.

Мне стало все равно. Пусть Зотов делает, что хочет!

Я услышала громкий вздох, а затем мужчина поднялся на ноги. Пара шагов, и он становится позади меня.

– Пойду, скажу Миле, чтобы накрыла нам ужин, – прямо мне в затылок проговорил Зотов. – Мы поужинаем и поговорим. Какое вино ты предпочитаешь?

– Я уже говорила, что не пью, – напомнила я, не жива, не мертва от волнения. – Вы хотели меня куда-то увезти? Я хочу знать, что происходит, прямо сейчас!

Это так смело, настаивать на своем, боясь даже взглянуть на собеседника!

Никите Сергеевичу, видимо, надоело разговаривать с моей спиной, поэтому он положил руки на мою талию и развернул меня лицом к себе. Я задохнулась от неожиданности и его близости. Зотов не спешил убирать от меня руки, а я не знала, куда девать свои, поэтому просто прижала их к своей груди.

– Что же ты у меня такая пугливая, Леся? – с улыбкой спросил Никита Сергеевич. – Чем я тебя напугал?

Выражение "у меня" – меня смутило еще больше. Мужчина уже решил, что я его? Что может быть хуже?

Только новые, другие прикосновения. Зотов провел ладонью по моей щеке. Он надеялся меня успокоить таким образом? Находясь в столь опасной близости со мной?

– Ты боишься только меня? – прищурившись, проговорил хозяин. – Или всех мужчин?

А он догадлив, черт возьми! Мое лицо запылало огнем, и я отвела глаза не в силах больше смотреть в его серо-голубые колючие глаза. Я хапнула полной грудью воздуха, смешанного с терпким мужским парфюмом, трясаясь, как осиновый лист на ветру.

– Тебя кто-то обидел, Леся? – озвучил свою догадку Никита Сергеевич и отступил от меня на шаг. Он убрал от меня руки и сунул их в карманы брюк. Вмиг дышать стало легче и свободнее. – Говори со мной! – прозвучало, как приказ. – Я должен знать о тебе все!

– Я не хочу об этом говорить! – сквозь зубы ответила я, обнимая себя за плечи. – И не буду!

– Я знаю много способов разговорить человека, – как бы между прочим, сказал мне Зотов. – И тебе они не понравятся. Я не хочу быть с тобой жестоким, Леся, и я уже пообещал, что не трону тебя пальцем! Это немного усложняет задачу.

– Вы уже трогаете меня руками! – не выдержала я напряжения.

– Оу! – воскликнул Зотов. – Мы опять с тобой друг друга не допоняли! Я имел в виду, что не буду ебать тебя без твоего желания, то бишь, насиловать, заставлять со мной трахаться! Так понятнее?

– Спасибо, да! – выпалила я с облегчением.

– Я хочу, чтобы ты это приняла и уяснила, Леся, прямо сейчас! Потому что меня жутко бесит твоя... – Никита Сергеевич замолчал и поморщился. – Не надо так со мной, Леся! Я не доволен!

Не доволен? Я вообще не понимала, чего от меня добивается хозяин. Какой модели поведения он ждет от меня? Его обещанию, что он не станет принуждать меня к сексу, можно верить? Нам, действительно, нужно было поговорить.

– Жду тебя в столовой, – добавил мужчина перед уходом.

Первым делом я направилась в ванную. Наспех умывшись и причесавшись, я критически оглядела свое лицо в зеркале. Отчего-то мне хотелось выглядеть хорошо за ужином с Зотовым, но, увы, это было не в моей власти. Даже если бы у меня под рукой была декоративная косметика, такой синяк, как у меня на скуле, не скрыть и не замазать. Оставалось только вздохнуть и махнуть рукой на свое отражение. Переодеться во что-то нарядное? Было во что, но не было смысла, с таким-то лицом!

Чтобы не злить Никиту Сергеевича ожиданием, я поспешила в столовую. Он сидел во главе стола, с телефоном в руках, но стоило мне появиться, мужчина отложил телефон в сторону. Глубоко вздохнув, я подошла к столу, и встала в нерешительности. Обычно я ела тут одна, вот и растерялась. Куда мне садиться? Рядом с хозяином? Наверное, да.

– Садись, Леся! – указал Никита Сергеевич на стул по правую руку от себя. – Ну, что ты в самом-то деле? – с раздражением добавил он, пока я усаживалась на стул. – Значит, не трогать тебя руками? – откинувшись на спинку стула, спросил Зотов. – Это будет сложно. Ты мне очень понравилась, девочка. Даже не представляешь насколько! – Я прекрасно помнила вчерашний бугор на брюках хозяина, поэтому, конечно же, представляла, насколько сильно я ему понравилась, даже мое разбитое лицо не помогло избежать его внимания. Этот комплимент только расстроил меня, больше ничего. – Еще пожелания будут, Леся?

Пожелания? У меня? Я рассеянно уставилась на Зотова. Неужели мое мнение что-то значит для этого человека?

13. Никита

– Быть может, вы мне скажете сначала, что вы задумали, и при чем тут я? – с вызовом спросила Леся.

Дрожь в голосе и акцент выдали ее с потрохами. Девчонка снова на панике. Да, чего она так моросит, черт побери?

Не выдержав моего взгляда, девчонка опустила глаза и судорожно сглотнула, а я не мог отвести от нее взгляд. Мне очень нравилось на нее смотреть, и я не собирался отказывать себе хотя бы в этом удовольствии, раз другие, более низменные и яркие развлечения, с участием этой красавицы, мне пока что не доступны.

Я весь день думал о Лесе. Мысли мои менялись то в одну сторону, то в другую, как у беременной бабешки. Мне до дрожи хотелось запугать бедняжку еще сильнее, чтобы овладеть ею поскорее, и одновременно я порывался купить ей что-то в подарок, окружить ее вниманием и заботой. Это было странно, учитывая, что запугивать людей я умел великолепно, но, при этом, никогда в жизни ни о ком не заботился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.